

ОПЫТ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ЦАРЕВНА»)

Елена Р. Переслегина (Нижний Новгород)

Абстракт:

В фольклорных текстах эксплицирована когнитивная картина мира народа, воплощенная в языке, поэтому представляется актуальным анализ языковых и речевых средств объективации ключевых концептов русской народной сказки. Лингвокогнитивное исследование смыслового содержания концепта «царевна» осуществляется с целью выявления его доминантных когнитивных признаков, отражающих национальную специфику русского коллективного сознания.

Ключевые слова: концепт, содержание концепта, когнитивный признак, ядро концепта, периферия концепта, русская народная сказка

Attempt of Cognitive Analysis Key Concepts of Russian Folklore (Based on the Concept “Tsarevna”)

Abstract:

Folklore texts explicate the cognitive world view of the people, which reflects in the language. So it is important to analyze the linguistic means of the objectification of the key concepts of Russian fairy tales. Cognitive study of the semantic content of the concept “tsarevna” is carried out to determine its dominant cognitive signs that reflect the specifics of Russian national collective consciousness.

Key words: concept, the content of the concept, cognitive sign, the core of the concept, the periphery of the concept, Russian fairy tale

Роль устного народного творчества в изучении философии, истории, культуры, менталитета, языка нации трудно переоценить. Фольклорные тексты представляют собой уникальный материал для исследований, выполненных в русле разных лингвистических дисциплин: истории языка, антропологической лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии. В произведениях национального фольклора представлена когнитивная картина мира народа, воплощенная в языке. Особую ценность для исследователей представляет собой сказка как жанр, характеризующийся наиболее высокой степенью концентрации

смысла и яркой специфической образностью. Эта её особенность привлекает внимание специалистов в области когнитивной лингвистики. В сказке объективируется способ мышления обширной национальной группы людей, объединённых культурой и языком, чётко прослеживается механизм формирования и развития мыслительных образов (концептов) коллективного сознания – все то, что влияет на национальную специфику менталитета определённого народа.

Коллективное сознание народа как форма отражения действительности представляет собой совокупность динамичных мыслительных единиц, находящихся в постоянном взаимодействии. Эти единицы – концепты. В сказке они получают дополнительную функцию – не только отражают предмет, но и фиксируют результат его трансформации из объекта реальной действительности в объект действительности художественной, часто фантастической. Предметом рассмотрения в данной статье является концепт «царевна», объективированный в текстах русских народных сказок, собранных А. Н. Афанасьевым. Это один из самых «активных» концептов в концептосфере русской народной сказки: он обладает высокой частотой речевых репрезентаций (1159), имеет сложное строение, отличается подвижностью границ между слоями и демонстрирует наличие разного типа связей с другими концептами.

Описание содержания концепта осуществляется с помощью методики лингвокогнитивного анализа, в которой обычно используются два основных подхода: логический и семантико-когнитивный. Первый подход предполагает путь «от смысла к языку». В нём исследование начинается с некоторого выбранного концепта, выявляются все возможные языковые средства его выражения, которые затем подвергаются анализу. Второй подход – путь «от языка к смыслу» – предполагает исследование ключевого слова и анализ контекстов его употребления с целью определения смыслового наполнения концепта [1, с. 96]. Часто во многих научных трудах эти подходы используются вместе, дополняя и тем самым расширяя возможности друг друга.

Анализ языковой и речевой объективации концепта целесообразно проводить через описание лексико-семантической парадигматики и синтагматики слова, называющего концепт. Вербальной номинацией исследуемого нами концепта является имя существительное *царевна* (*царевны*). При определении частоты вербальных репрезентаций учитывались также имена собственные, включающие в себя компонент *царевна* (Анна-царевна, Елена-царевна Прекрасная, Лаота-царевна, Марфида-царевна, Марья-царевна, Милолика-царевна, Несмеяна-царевна, Ольга-царевна, царевна Звезда, царевна Луна, царевна Марфа Прекрасная, царевна Полюша), местоимение *она* и союзное слово *которая*, заменяющие в контексте ключевое слово и поэтому рассматриваемые нами как лексическое единство, эксплицирую-

щее одну смысловую единицу – концепт «царевна». На материале текстов русских народных сказок была сделана выборка контекстов со словоупотреблением *царевна* (*она, которая*), с тем чтобы зафиксировать его парадигматические и синтагматические связи. Парадигматические связи описывались через определение языковых и контекстуальных синонимов и антонимов, а также устойчивых текстовых ассоциаций исследуемой лексемы. Описание синтагматических связей осуществлялось через выявление синтаксических конструкций, построенных по следующим моделям: глагол + *царевна*, где *царевна* – логический субъект действия; глагол + *царевна* + другой субъект (субъекты) совместного действия; глагол + *царевна*, где *царевна* – объект, над которым совершается действие; имя прилагательное + *царевна*, где *царевна* – атрибутируемое лицо; имя существительное, обозначающее признак предмета, + *царевна*.

Анализ лексико-семантической парадигматики и синтагматики позволил нам выявить языковые и речевые значения слова *царевна* в текстах русских народных сказок. Единственное языковое значение лексемы *царевна*, сформулированное в Словаре русского языка С. И. Ожегова как ‚дочь царя‘, в текстах сказок обогащается большим количеством речевых значений, значительно усложняя семантическую структуру слова. Нами были выделены следующие группы лексико-семантических вариантов (ЛСВ) исследуемой единицы:

1. ЛСВ родства: ‚дочь царя‘; ‚жена‘; ‚мать‘; ‚невеста [Ваньки, Ивана, Ивана Сученко; Козьмы Скоробогатого; мужичка; солдата; убогого; царевича и др.]‘; ‚нелюбимая падчерица‘; ‚сестра царевен, сестра царевича, сестра-близнец царевича‘;

2. ЛСВ физической (физиологической) характеристики: ‚беременная женщина‘; ‚больной человек‘; ‚девушка, обладающая мужскими чертами, силой‘; ‚красавица‘; ‚одержимая бесом, человек, на которого наведена порча‘;

3. ЛСВ социальной характеристики: ‚затворница‘; ‚лицо, наделенное царской властью, правительница‘; ‚охотница‘;

4. ЛСВ психологической характеристики: ‚благодарный человек‘; ‚властный человек‘; ‚влюбленная, любящая девушка‘; ‚гордая девушка‘, ‚честная девушка‘; ‚гостеприимная девушка, хозяйка‘; ‚догадливая, умная, мудрая девушка‘; ‚жадный человек‘; ‚жестокий человек‘; ‚злопамятный, мстительный человек‘; ‚коварная девушка‘; ‚любопытная девушка‘; ‚набожная девушка‘; ‚недогадливая, глупая девушка‘; ‚нескромная девушка, бесстыдница‘; ‚робкая, несмелая девушка‘; ‚смелая девушка‘; ‚хитрая девушка, обманщица‘

5. ЛСВ характеристики деятельности, направленной вовне: ‚волшебница‘; ‚мастерица, искусница‘; ‚рассказчица‘; ‚советчица‘

6. ЛСВ, характеризующие царевну как объект внешнего воздействия: ,жертва‘; ,награда‘; ,объект дележа‘; ,объект злых насмешек‘; ,объект нападения, покушения‘; ,предмет кражи, воровства‘; ,предмет поисков‘.

Разветвлённый комплекс речевых значений лексемы *царевна* играет важнейшую роль в определении перечня когнитивных признаков соответствующего концепта, так как именно значения этого типа эксплицируют национальную специфику концепта – то, что выражает ментальные характеристики народного коллективного сознания.

На основе выделенных языковых и речевых значений слова *царевна* можно сформулировать когнитивные признаки концепта, номинированного указанной лексемой. Они могут быть упорядочены с помощью классификаторов, которые использовались при систематизации ЛСВ значения. Так, к числу когнитивных признаков родства относятся: *является дочерью царя (царицы), является сестрой царевича (царевен), является нелюбимой падчерицей, является женой, является матерью, является невестой*; физической (физиологической) характеристики: *беременная, больная, одержимая бесом, мужественная (сильная), красивая*; социальной характеристики: *наделена царской властью, ведёт уединённый образ жизни, занимается охотой*; психологической характеристики: *благодарная, властная, влюблённая (любящая), гордая, честная, гостеприимная (хозяйка), умная (догадливая, мудрая), набожная, робкая и жадная, жестокая, злопамятная (мстительная), коварная, любопытная, глупая (недогадливая), нескромная (бесстыдница), хитрая (обманщица)*; характеристики деятельности, направленной вовне: *владеет волшебством, искусная (мастерица), обладает талантом рассказчика, даёт мудрые советы*; характеристики царевны как объекта внешнего воздействия: *является жертвой, является объектом нападения (угрозы, покушения), является объектом дележа, является объектом насмешек, является предметом кражи, является предметом поисков, является наградой*.

Выявленный набор когнитивных признаков составляет содержание концепта, которое может быть зонировано по полювому принципу – ядро и периферия (ближняя, дальняя и крайняя). Принадлежность к той или иной зоне содержания определяется, прежде всего, степенью яркости признака в сознании носителя концепта (в нашем случае речь идет о коллективном сознании русского народа). К ядру, как правило, относятся слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью; более абстрактные компоненты смысла составляют периферию концепта. Периферийный статус признака указывает на степень его удалённости от ядра по признаку конкретности и наглядности образного представления [2, с. 50]. Сопутствующим критерием распределения признаков по содержательным зонам концепта является частота их вербальных репрезентаций.

Ядро концепта *царевна* сформировано предельно конкретным когнитивным признаком «является дочерью царя (царицы)» (частота речевых репрезентаций – 662 словоупотребления); к области ближней периферии мы отнесли признаки «является женой» (77), «красивая» (50), «является сестрой царевича (царевен)» (46), «является невестой» (37); область дальней периферии формируют признаки «владеет волшебством» (23), «больная» (18), «одержимая бесом» (18), «гостеприимная (хозяйка)» (16), «хитрая (обманщица)» (15), «является предметом кражи» (15), «является объектом нападения (угрозы, покушения)» (14), «является предметом поисков» (13), «является объектом дележа» (12), «является жертвой» (12), «умная (догадливая, мудрая)» (12), «набожная» (12), «властная» (12), «является матерью» (11), «влюблённая (любящая)» (10); крайнюю периферию содержания концепта составили когнитивные признаки с частотой вербальных реализаций менее 10: «мужественная (сильная)» (9), «является наградой» (9), «наделена царской властью» (7), «беременная» (6), «благодарная» (6), «обладает талантом рассказчика» (6), «набожная» (5), «робкая» (5), «глупая (недогадливая)» (5), «занимается охотой» (5), «жестокая» (4), «является нелюбимой падчерицей» (4), «ведёт уединённый образ жизни» (3), «любопытная» (3), «коварная» (3), «искусная (мастерица)» (2), «даёт мудрые советы» (2), «гордая» (1), «честная» (1), «нескромная (бесстыдница)» (1), «злопамятная (мстительная)» (1), «жадная» (1), «является объектом насмешек» (1).

Распределение когнитивных признаков по содержательным зонам концепта свидетельствует о том, что наиболее актуальными в концептосфере русской народной сказки являются характеристики, атрибутирующие царевну, прежде всего, с точки зрения ее родства (с родителями, братьями, сёстрами, мужем) и описания внешности. Восприятие царевны именно как части рода является релевантным для коллективного сознания русского народа. Принадлежность роду, ощущение и осознание сопричастности к нему, самоидентификация является едва ли не определяющим компонентом народного мировосприятия. Человек, отвергнутый родом (даже царским), обречён в русской народной сказке на поиски, полные страданий и испытаний. Царевну, которой вместо рождённого ею ребенка подкладывают щенка, отвергают, как неспособную продолжить род, и отец, и любящий муж. Кроме того, царевна крайне редко вступает в род своего мужа, как правило, он, даже будучи сам царевичем, вступает в род своей жены.

Актуальным в содержании концепта «царевна» является и когнитивный признак «красивая», хотя, по справедливому замечанию В. Я. Проппа, «как женщина она никогда не описывается точнее. Здесь русская сказка отличается от сказок, например, «Тысячи и одной ночи»; там выработался определённый, хотя и примитивный канон женской красоты» [3, с. 258].

Красота русской царевны возведена в абсолют и не требует речевой конкретизации. Красота царевны часто задаёт вектор всему сюжетному действию: красоту надо добыть, украсть, завоевать, покорить, подчинить. Этот признак, на наш взгляд, активизирует признаки, характеризующие царевну как объект внешнего воздействия: именно потому, что царевна красива, в сказках она становится и объектом поисков, и нападения, и угрозы, и шантажа, и кражи, царевну приносят в жертву змею, царевна становится наградой за тяжелейшие испытания.

Особый интерес представляет один из доминантных когнитивных признаков дальней периферии – «больная». Излечение больной царевны является лейтмотивом сразу нескольких сказок, вошедших в сборник А. Н. Афанасьева. Болезнь царевны становится бедой не только для царской семьи, но и для всего сказочного государства. Рассмотренный когнитивный признак тесно связан и взаимодействует с признаком «одержимая бесом». В этом случае излечение царевны возможно только через молитву: *Царевна выскочила из гроба да за ним; прибежала на хоры, искала, искала, все углы обошла – не могла найти. Подходит к образу, глянула на лик святого апостола и задрожала; вдруг от иконы глас раздался: «Изыди, окаянный!» В ту же минуту злой дух оставил царевну, пала она перед иконою на колени и начала со слезами молиться.* Мотив необходимости исцеления царевны детерминирован, на наш взгляд, ядерным признаком концепта: если царевна больна, она не может продолжить царский род, а прервать «цепь предков» – самая большая катастрофа, поэтому все мыслимые и немыслимые усилия предпринимаются для того, чтобы излечить царевну, и лишь простой батрак или солдат способны это сделать.

Когнитивные признаки, отражающие психологические характеристики царевны, часто представляют собой антиномии: царевна может быть умной и глупой, набожной и бесстыдницей, благодарной и мстительной, гостеприимной и жадной. Не случайно в фольклористике выделяют два типа царевен: кроткая царевна и царевна, которую надо укротить. Одна – верная невеста, послушная дочь, часто добровольная жертва, которая нуждается в освобождении и спасении, другая – «существо коварное, мстительное и злое, она всегда готова убить, утопить, искалечить, обокрасть своего жениха, и главная задача героя, дошедшего или почти дошедшего до ее обладания, – это укротить ее» [3, с. 258].

Достаточно частотным для зоны крайней периферии является вербально объективированный когнитивный признак «мужественная (сильная)». Воинствующая царевна, искусная в стрельбе из лука, уверенно чувствующая себя в седле, обладающая богатырской силой вызывает устойчивую культурную ассоциацию с мифическими амазонками.

Любопытным оказывается количественное соотношение речевых репрезентантов когнитивных признаков «умная (догадливая, мудрая)», «глупая (недогадливая)» и «хитрая (обманщица)». «Мудрость» и «хитрость» царевны находятся в пределах одной содержательной зоны концепта, незначительно отличаясь друг от друга частотой вербальных реализаций. «Глупость» же царевны, относясь к зоне крайней периферии, в текстах сказок всегда компенсируется хитростью и обманом.

Отметим, что, хотя количество положительных и отрицательных качеств характера царевны приблизительно равно, все же частотные показатели вербальных реализаций соответствующих когнитивных признаков отличаются в пользу позитивных.

Когнитивный признак «влюблённая (любящая)» находится на границе дальней и крайней периферии, свидетельствуя о нарастании абстрактности от ядра к внешним слоям концепта. Царевна в русских народных сказках может выбрать в качестве своего возлюбленного не только царевича, но и батрака, и убогого, и Незнайку, и стрелка, и солдата, и орла, и даже Змея Горыныча и Морское Чудовище. Особый интерес представляет, на наш взгляд, союз царевны со Змеем. В русской сказке это отнюдь не вынужденный союз, где царевна – жертва, а змей – похититель, напротив, брак царевны со змеем – это плод взаимной любви: *Зовёт к себе царевну: «Ты, – говорит, – меня измучила, тоской иссушила; я без тебя жить не могу!» / Полюбился Змей Горыныч царевне, кричит ему: «Лети сюда через реку!»*. Возможно, объяснение этого факта следует искать в антропоморфизме как господствующем принципе познания окружающего мира на раннем этапе становления общества, однако «тотемный предок животного вида не бог в том смысле, в каком богом является антропоморфный Зевс или безобразный христианский святой дух» [З, с. 210]. В данном случае тотем выступает как предок рода, племени людей, начало начал. И в этом смысле союз царевны и Змея более чем органичен.

Разнообразны деятельностные характеристики царевны: она владеет волшебством, она искусная мастерица, рассказчица, мудрая советчица. Все они, за исключением когнитивного признака «владеет волшебством», относятся к области крайней периферии, что свидетельствует о неприоритетном характере их речевой объективации (не так важно, что царевна умеет, важно то, какая она в глазах других героев сказки), однако это не говорит об их малозначности в структуре концепта, так как именно эти признаки выражают индивидуальную характеристику способностей царевны.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что мы интерпретировали лишь некоторые, на наш взгляд, самые яркие примеры языковой и речевой экспликации смыслового наполнения концепта «царевна» в текстах русских народных сказок. Анализ содержания исследуемого концепта позволил

выявить доминантные когнитивные признаки, актуальные для концептосферы русской сказки и коллективного сознания русского народа, и вместе с тем дал возможность установить признаки, формирующие индивидуальную специфику художественного образа. Однако, даже «рассмотрев всю доступную нам совокупность языковых средств выражения концепта, [...] мы всё равно не получаем исчерпывающего описания» [4, с. 164], так как структура концепта при всей её объёмности не является жёсткой; кроме того, в концепте всегда есть невербализованная часть содержания.

Материалы и результаты проведённого исследования будут использованы при составлении второго выпуска «Словаря концептов русской народной сказки (социальная функция)» [5].

Литература:

- ПОПОВА, З. Д., СТЕРНИН, И. А.: Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: «Истоки», 2001. 191 с.
- РУДАКОВА, А. В.: Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж: «Истоки», 2004. 80 с.
- ПРОПП, В. Я.: Исторические корни волшебной сказки. Москва: «Лабиринт», 2004. 332 с.
- ПОПОВА, З. Д.: Когнитивная лингвистика. З. Д. Попова, И. А. Стернин. Москва: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
- Словарь концептов русской народной сказки. Часть 1. Сост.: Е. В. Анисимова, Т. М. Горшкова, Л. И. Ручина, А. В. Синелёва. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. 170 с.